

ределит собой рассказа о событиях 411 г. с его конкретными сообщениями.

Последняя, VII глава («Афинская Политика и историк») представляет собой в сущности резюме всей книги. Лейтмотив этой главы — мысль о том, что Аристотель, построив («путем какого-то не описанного им для нас процесса» — стр. 189) свою теорию о четырех видах демократии, положил ее в основу своего изложения истории афинской демократии; отсюда следует, что даваемая Афинской Политикой история внутреннего развития Афинского государства оказывается продуктом применения теоретической схемы к конкретному историческому материалу.

Читатель, не увлекающийся сенсационными выводами, все же может признать за американскими авторами способность к тонким наблюдениям и интересным постановкам вопросов (в сущности вся книга отвечает на остро поставленный вопрос — к каким выводам привела бы нас

уверенность в том, что мы обладаем исчерпывающими сведениями о доаристотелевской исторической и политической литературе), что, однако, не придает убедительности их построению в целом. Две априорные мысли, доминирующие над этим построением, заслоняют от авторов реальное положение дел: 1) произвольный постулат, будто у Аристотеля не могло быть не известных нам и не поддающихся точному определению источников; 2) превратное представление о соотношении между теоретическими положениями Аристотеля в Политике и изложением исторических фактов в Афинской Политике, причем теория будто бы складывалась в уме философа до изучения им действительности и служила той почвой, на которой вырастали его представления о конкретной истории.

А. И. Доватур

A. M. RADMILLI, *La preistoria d'Italia alla luce delle ultime scoperte*. Istituto geografico militare, Firenze, 1963, 364 стр.

Работа А. М. Радмилли «Доистория Италии в свете последних открытий» носит характер информационного издания — в ней систематизированы и обобщены результаты многих археологических исследований последнего двадцатилетия, по-новому освещающие историю доисторической Италии¹.

Большое внимание автор уделил вопросам изучения палеолита. Благодаря интенсивным раскопкам, проведенным итальянскими археологами в последнее время, Апеннинский полуостров более не является белым пятном на карте палеолитической Европы. В частности, установлено, что первые люди проникли в Италию в межледниковый период Миндель — Рисс. В северной части страны обнаружены многочисленные остатки материальной культуры кроманьонцев, обитавших здесь в верхнем палеолите. Около 18 тыс. лет назад на полуостров пришли охотники культуры Граветти (Грималь-

ди). Очень интересные наскальные рисунки этого периода открыты в сицилийских пещерах Черви, Нишеми и Аддаура.

Неолит Италии делится на три фазы: нижнюю, среднюю и верхнюю. В Абруццах, Апулии, Калабрии, Лукании и Сицилии распространилась земледельческая культура тисненой керамики сирокано-азиатского происхождения, вплетающаяся в средиземноморский субстрат мезолитической традиции, утвердившийся в Италии в V тыс. до н. э. Люди этой культуры жили в круглых хижинах диаметром до 3 м, составлявших небольшие поселения (Пунто Пенна, Спадавеккья, Мольфетта и др.). В Апулии и Абруццах наблюдается контакт культуры тисненой керамики с культурами расписной, нарезной и гравированной керамики. Южноиталийская неолитическая культура расписной керамики прошла следующую эволюцию: наиболее архаические типы — светлые, с красными полосами и линиями (поселения Матеры); для последующего времени характерны сосуды с коричневыми полосами так называемого стиля Капри; завершается эта культура стилями Серра д'Альто и Скалория, в которых наиболее употребительными орнаментальными мотивами стали меандр и спирали. Как реакция на изощренную орнаментацию этих стилей в конце культуры расписной керамики возникла простая керамика стиля Дианы, с которой кончается верхний неолит Южной Ита-

¹ Содержание рецензируемой книги излагается по возможности подробнее, так как в советской историографии вопросы доистории Италии разработаны пока еще очень слабо. Работы А. И. Немировского, посвященные данной теме («Племена Италии во II тыс. до н. э.», ВДИ, 1957, № 1, стр. 102—124; «История раннего Рима и Италии», Воронеж, 1962, стр. 47—124), основаны преимущественно на материале довоенного времени.

лии. Культуры тисненой и расписной керамики представлены своими поздними фазами также в Сицилии (Стентинелло, Кастелларо) и на Липарских островах. Сходные черты с керамикой стиля Капри имеет не определенная еще неолитическая культура Тосканы и Умбрии. Народ культуры расписной керамики отличался большой торговой активностью: в многочисленных поселениях на плато Гаргано (Апулия) часто встречаются изделия кампиньянской культуры (Франция), которая оставила заметные следы в области Венето-Тренто. В Венето-Джулио, очевидно, морем пришли носители культуры тисненой керамики и культуры Лезины, очень близкой культуре Димини в Фессалии. Интересен фрагмент сосуда, относящегося к среднему неолиту, с выгравированным изображением корабля (стр. 31).

Неолитическое население долины реки По жило в свайных постройках — палафитах (культура Лагоцци). Со среднего неолита в палафитах Венето, Ломбардии и Пьемонта появляются элементы дунайской культуры ваз с квадратным устьем. Ее носители установили широкие коммерческие контакты с различными племенами Италии.

Неолитическая культура Фьорано принадлежит народу, жившему в Эмилии еще в верхнем палеолите; для нее характерна керамика с великолепными геометрическими узорами, нанесенными техникой солькатуры. Период интенсивных связей этого народа с племенами культуры ваз с квадратным устьем выделен в особую культуру Кьюцца. В верхнем неолите местные земледельческие народы подверглись сильному влиянию культуры Лагоцци; этот период представлен культурой Пескале ди Модена. В III тыс. население культуры Лагоцци продвинулось в Тоскану и Лигурию, вероятно, под давлением воинственного народа культуры Ремеделло, проникшего в Ломбардию, Пьемонт, Венето, Эмилию и даже Марку-Абруццы (Грот голубей). Культура Ремеделло названа по местности около Брешии. Инвентарь захоронений в Рокколо Брешиано, Санта Кристина, Ка ди Марко, Фонтанелла Мантована и других показывает, что это был воинственный народ — в погребениях часто встречаются кремневые и медные клинжалы, медные алебарды, копья с кремневыми наконечниками, техника обработки которых скопирована с техники кампиньянской культуры. Орнамент ваз сходен с орнаментацией колоколовидных кубков, на основании чего можно предположить, что носители культуры Ремеделло — итальянская ветвь народа колоколовидных кубков, широко распространившегося по всей Европе из Иберии. Именно этому народу принадлежит энеолитическая культура Конка д'Оро в Северо-Западной Сицилии.

Начало неолитической культуры Рипполи в Марке-Абруццах датируется временем около 5000 г. до н. э. Ее население жило в овальных хижинах диаметром до 3,4 м (двойные хижинны — до 5,2 м), вход в которые устраивался всегда с юга. В этих хижинах нередко погребались покойники в скорченном состоянии. Характерная для этой культуры коричневая керамика с геометрическим орнаментом встречается и в южных, и в северных областях страны; вместе с тем в поселениях и могильниках этой культуры встречаются изделия культур Лагоцци, Дианы, Пескале, что свидетельствует о коммерческой активности этого народа. Процветание культуры Рипполи окончилось в энеолите с приходом в Марку-Абруццы воинственных племен культур Гаудо и Ринальдоне, вооруженных луками и мечами эгейско-анатолийского происхождения. Носители энеолитической культуры Гаудо, открытой и изученной П. Сестини, прибыли в Кампанию, очевидно, с северного побережья Анатолии. В могильниках этой культуры (а forno, с круглым вестибюлем и закладным камнем) встречаются медные клинжалы, свидетельствующие об употреблении металлов. Захоронения — групповые (Матердей, Гаудо); оружие и посуда расставлялись по периметру круглой погребальной камеры. Находки в пещерах Пертозы и Фельчи, датированные по фрагментам микенской керамики, показывают, что люди культуры Гаудо жили в Кампании примерно до 1300 г. Культура Ринальдоне, распространившаяся из Лациума в соседние области, существовала, очевидно, до образования апениннской культуры.

В Южную Италию и Сицилию в энеолите пришли племена восточного происхождения, которые отличались большой коммерческой активностью и были знакомы с употреблением металлов. Для бронзового века Сицилии (основная культура — Кастеллуччо — 1800—1400, ее последняя фаза — культура Тапсос — 1400—1200 гг.) характерны широкие контакты с эгейским миром, особенно хорошо документированные находками фрагментов керамики среднеэлладского и протомикенского периодов на Эолийских островах (культура Капо Грациано). В различных сицилийских центрах найдено много фрагментов микенской керамики III A₂ и III B периодов. После крушения микенской цивилизации остров заселили южноиталийские народы (культура авзонов).

В Ломбардии и Венето в бронзовом веке развилась культура Полада, в последней своей фазе современная культуре террамар, из которой были заимствованы некоторые элементы. Материал культуры Полада часто встречается в палафитах культуры Лагоцци, просуществовавшей до бронзового века. Культура Канегра-

те, открытая Ф. Риттаторе в Ломбардии и определенная им как лигурийская, предшествовала культуре Голасекка. Материал этой культуры показывает, что у лигуров было сильно развито земледелие, скотоводство и торговля. Для погребального обряда характерно трупосожжение; после кремации останки заключались в овоидальный или овоидально-биконический сосуд, который устанавливался в скальной расщелине или, что реже, на земле и покрывался насыпью из камней. Ареал лигурийских некрополей свидетельствует о широком распространении этой культуры.

В Венето-Джулии (как и в Далмации) в начале бронзового века наблюдается сильное влияние балканской культуры Вучедол; в последующее время установились торговые связи с эгейским миром и Апеннинским полуостровом, где широко распространилась культура террамар. В позднем бронзовом веке в Венето, Центральной и Южной Италии возникла культура кастеллер — укрепленных поселений, входящая в сферу влияния гальштатской культуры и дожившая вплоть до завоевания Римом этих местностей.

Начальная фаза культуры нураг в Сардинии датируется XIV в. по кипрским медным слиткам в виде бычьей шкуры со знаками микенского письма А. В последующее время эта культура развивалась под сильным иберийским, а затем этрусским влиянием. Очень интересны найденные К. Зервосом в Урцулей бронзовые статуэтки — вотивы VIII—VII вв., изображающие воинов.

В средней Италии из местной неолитической культуры Конелле развилась скотоводческая Апеннинская культура. С приходом террамарикиолов около 1300 г. началась субапеннинская фаза этой культуры, на которой впоследствии отразилось сильное влияние протовиллановской культуры. Италики исторического времени являются наследниками земледельческо-скотоводческой субапеннинской культуры, с утверждением которой восстановилась омогенность итальянской культуры.

Такова изложенная в общих чертах современная схема развития доисторической Италии. А. М. Радмилли убедительно показал, что культуры Апеннинского полуострова развивались под сильным влиянием культур Восточного и Западного Средиземноморья. Если раньше можно было говорить лишь о «прямой связи» Южной Италии и Сицилии с различными центрами эгейской культуры в неолите и раннем периоде металла², то сейчас накопленный археологический материал позволяет утверждать доминирующее влияние азиатских культур

в некоторых энеолитических центрах Сицилии (Мальпассо, Сан Ипполито)³. К сожалению, А. М. Радмилли, говоря об италийских культурах восточного происхождения, не связывает их появление на Апеннинском полуострове с историческими процессами, происходившими в странах Эгейского бассейна и Балкан. Например, появление в Южной Италии племен из дохеттской Анатолии, документированное многочисленными могильниками в Торре Кастеллучия, Челлино ди Сан Марко, Альтамура и Ория, можно определить как продолжение колонизации Греции и Македонии носителями азиатской культуры, с приходом которых, по мнению некоторых ученых, связан подъем ремесленного производства, мореходства и торговли ранних эгейских городских культур⁴. В новейшей литературе эту азиатскую культуру связывают с делегами⁵. Найденные в Кастеллуччо черепа азиатского происхождения⁶ подтверждают тесную связь италийских культур с этническими процессами, происходившими в Эгейском бассейне; Апеннинский полуостров играл роль своеобразного фильтра, на котором оседали различные народы Восточного и Западного Средиземноморья. Вместе с тем автор нередко недооценивает возможности развития местных культур. Например, культуру Гаудо вряд ли можно целиком выводить из Анатолии. Переселенцы из Малой Азии могли дать толчок развитию местной неолитической культуры в Кампании и Лациуме. Ведь не случайно культуры Гаудо и Ринальдоне возникли в районах, близких к месторождениям меди на острове Эльба.

Недостаточное внимание уделено роли микенской цивилизации в доистории Сицилии и Южной Италии, в то время как сильное микенское влияние сказалось на керамике, ремесленном производстве и архитектуре позднего бронзового века Южной Сицилии и раннего железного века Южной Италии. Связи с микенской цивилизацией были настолько тесными, что сейчас можно определенно говорить о наличии микенских поселений-эмпориев в

³ L. Barnabo Brea, *Sicily before the Greeks*, N. Y., 1960, стр. 96—98.

⁴ V. G. Child, *The Prehistoric Migrations in Europe*, Oslo, 1960, стр. 58—61; ср. Г. Чайлд, *У истоков европейской цивилизации*, М., 1952, стр. 124—125; M. Pallotino, *Le origine storiche dei popoli italici*, «Relazioni del X congresso internazionale di Scienze storiche», v. II, Firenze, 1955, стр. 16; Barnabo Brea, *ук. соч.*, стр. 148.

⁵ M. Sakellariou, *La migration grecque en Ionie*, P., 1958, стр. 418.

⁶ G. Patroni, *La preistoria*, Milano, 1937, стр. 509.

² T. E. Peet, *The Stone and Bronze Ages in Italy*, Oxf., 1909, стр. 415 сл.

Сицилии и Южной Италии⁷. Сложнейшие вопросы доистории Италии, связанные с культурами террамар и Виллановы, также по сути дела обойдены автором. Вне поля зрения А. М. Радмилли остались и вопросы социального развития доисторических обществ. Вряд ли можно удовлетворительно объяснить возникновение культуры кастельер или культуры нураг в Сардинии без анализа социально-экономического развития местных племен позднего бронзового века. Возникновение нураг — укрепленных замков племенных вождей — свидетельствует о разложении родового строя и зарождении царской власти. Аналогичный процесс происходил и в Балканской Греции.

Следует отметить, что структура книги

не совсем удачна: изложение материала по областям Италии не дает возможности проследить какую-либо большую культуру или эпоху доистории страны в целом. Например, сведения о культуре Ремеделло содержатся отрывочно в пяти главах, посвященных Ломбардии и Пьемонту, Венето, Тоскане и Умбрии, Эмплии и Марке.

Все же, несмотря на указанные недостатки, работа А. М. Радмилли ценна тем, что в ней систематизирован и обобщен громадный материал о доримской Италии, накопленный усилиями нескольких поколений ученых. Обилие иллюстраций и подробная библиография в несколько сот названий делает этот труд хорошим пособием для всех исследователей, интересующихся древнейшим периодом истории Италии.

В. П. Яйленко

⁷ W. T a y l o r, *Mycenaean Pottery in Italy and Adjacent areas*, Cambr., 1958, стр. 79, 183.

R. ÉTIENNE, *La vie quotidienne à Pompéi*, P., 1966, 475 стр.

В литературе о Помпеях книга эта займет одно из почетных мест. Она продолжает традицию, нашедшую наиболее полное выражение в книгах Овербека и А. Мау¹: давать не отдельные очерки, посвященные тому или другому явлению в жизни города, а общий обзор этой жизни в целом. Книги обоих упомянутых авторов и до сих пор не потеряли своего значения, но «Помпей» Овербека смогут скоро отпраздновать свою сотую годовщину; «Помпей в жизни и искусстве» Мау вышли в 1908 г., а дополнения к ним, сделанные самим автором, — в 1913 г. Достаточно сравнить план Помпей у Мау и у Этьена, чтобы увидеть, как далеко за последние десятилетия продвинулись раскопки: почти до самого конца раскопана улица Изобилия, давшая богатый материал для знакомства с экономической жизнью Помпей; открыты дом Менаандра (богатая коллекция серебряной посуды высокого художественного достоинства), дом Тегета (прекрасная статуя эфеба, роспись с египетскими сюжетами и на одной фреске единственное дошедшее до нас изображение архимедовой «улитки») — колеса, с помощью которого производилась поливка; прекрасная мозаика; дом жреца Аманда с удивительной по красоте

и выразительности стеной живописью; дом Лорея Табуртина с его своеобразным перистилем, ювелира Пинария Церналиса и др.; до конца раскопана вилла Мистерий; открыта система городского водопровода, изучена история городской стены, произведены стратиграфические раскопки. Одного этого далеко не полного перечня достаточно, чтобы показать, как много нового найдет читатель в книге Этьена; она удовлетворит его желанию узнать все «новинки» в истории и жизни Помпей.

Содержание книги Этьена не укладывается в ее заглавие: автор знакомит не только с «повседневной жизнью Помпей»: гибель города, его открытие, его история, муниципальное управление и «выборная лихорадка», торговля и промышленность города, окрестное земледелие; мир состоятельных дельцов и трудового люда, религия в ее разных аспектах (исконные итальянские божества, Капитолийская триада, культ императоров, восточные божества); дома и сады; живопись, ее техника и сюжеты; учение в Помпеях; спорт и отдых (палестра, помпейская «молодежь», термы, театры, амфитеатр, гладиаторские бои и venatio). К этому внушительному списку следует добавить превосходные описания городского плана в целом, улиц, форума и наиболее важных зданий, общественных и частных. Этьен подвел итог всему, что на сегодняшний день известно о Помпеях, и это уже заслуга немалая; свести воедино результаты многочисленных исследований, касающихся самых разнообразных сторон

¹ J. Overbeck, *Pompeii*, Lpz, 1884; A. Mau, *Pompeii im Leben und Kunst*², Lpz, 1908 (Anhang zur 2. Aufl., Lpz, 1913); из более поздних книг упомянем работу: R. C. Carrington, *Pompeii*, Oxf., 1936 (превосходная книга, но слишком краткая).